

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI 10.17223/19986645/27/6

П.В. Алексеев

СИРИЯ В МИФОПОЭТИКЕ О.И. СЕНКОВСКОГО¹

В статье рассматривается мифопоэтический образ Сирии в творчестве О.И. Сенковского. На материале повестей «Антар» и «Воспоминания о Сирии» исследуются основные элементы сирийского мифологического пространства: интертекст восточных имен, дискурс касыды и библейско-коранический контекст мифологем царя-основателя города и великой царицы.

Ключевые слова: Сирия, концепт, мифологема, восточная повесть, О.И. Сенковский, Антар, Пальмира.

Рассмотрение восточных мотивов и мифологем в творчестве О.И. Сенковского, основателя и популяризатора жанра «восточной повести» в русской литературе XIX в., позволяет понять глубину и масштабы русского романтического ориентализма. Обширные знания Сенковского по истории, культуре, языкам, политике и экономике современных ему восточных стран и в то же время восприятие художественного творчества как игры с читателем формируют своеобразный феномен Сенковского-ориенталиста: он одновременно развенчивает европейские мифы о Востоке («Способности и мнения новейших путешественников по Востоку», 1835), поддерживает европейские ориентальные стереотипы восточных характеров («Витязь буланого коня», 1824) и создает свои мифы путем сложнейшей семиотической игры («Антар», 1832) под различными театрализованными масками (Барон Брамбеус, Тютюнджу-Оглу, Осип Морозов, А. Белкин, П. Снегин, Карло Карлини, Женихсберг и др.).

Восток для Сенковского-востоковеда (в отличие от его литературных масок) был не условно-романтическим пространством «чистого эскапизма» [1. С. 89] большинства филоориенталистских произведений, где время остановилось в бытие халифов и джиннов сказок «1001 ночи»: Восток Сенковского был дифференцирован и осмыслен, структурирован и принят им как культурно-исторический факт, имеющий колоссальное значение для современной европейской цивилизации.

Сирия выступила одной из тех осмысленных частей Востока, которую Сенковский в течение многих лет жизни осваивал с разных сторон своего дарования – научной, художественной и публицистической, причем каждая из этих сторон словно бы существовала отдельно от остальных. При этом, объединяясь в поле иронии и самоиронии, разные подходы к сирийскому топосу сформировали мифопоэтическую модель Сирии как восточной страны,

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-34-01331 а2 «Мифологема мусульманского востока в русском романтизме».

на протяжении многих столетий имеющей концептуальное значение для развития русской культуры в силу нескольких факторов.

Во-первых, Сирия располагалась на пути паломничества в Палестину, и описания ее земель вошли в корпус «Хожений» с XI в., наиболее значительными из которых были «Хождение Даниила, игумена Русской земли» и «Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к Святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное». Подобные произведения стимулировали интерес к сирийскому ландшафту, но описывали его с религиозной точки зрения.

Во-вторых, внимание русской общественности к Сирии усилилось в связи с дипломатическими маневрами России и Палестины против Османской империи во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в результате чего «создался новый пласт теперь уже печатной литературы о Сирии: помимо труда Григоровича-Барского появились «Дневные записки» участника военных действий, российского офицера С. Плещеева – первое русское светское сочинение о Сирии, испытавшее влияние французского авантюрно-куртуазного романа, а также были переведены с европейских языков сочинения Ф.-К. Вольнея, Лузиньяна и Н.-Х. Радзивилла» [2. С. 5].

В XIX в. в России появляется академическое и т.н. «практическое» востоковедение, ставшее результатом деятельности литераторов, путешественников, церковных и правительственных агентов на Востоке, например «Путевые заметки о Сирии и Палестине» (1844), написанные неизвестным автором под псевдонимом «Н. Ст-н.» и «Записки русского врача, отправленного на Восток» (1847) А.А. Рафаловича. Эти и тому подобные сочинения в научных, художественных и публицистических жанрах появляются еще в начале XIX в. в контексте секулярной литературы, что приводит к окончательному закреплению «сирийской темы» в русской общественной мысли, главным образом, в комплексе идей о «Северной Пальмире».

Для Сенковского Сирия была, прежде всего, биографическим фактом, связанным с сознательным исследовательским интересом историко-культурного и филологического характера. Именно с этой точки зрения интересно проследить, каким образом сирийский топоним в творчестве Сенковского функционирует в роли мифопоэтического конструкта.

С 1819 г. молодой польский ученый, командированный от Виленского университета, находился на Востоке, начав свое путешествие со Стамбула. В пути он много работает над изучением восточных языков, историей и литературой, в частности, до 1820 г. он успел отправить в «Виленский дневник» («Dziennik Wilenski») записки «Из Вильно через Одессу в Стамбул», перевод с персидского нескольких газелей Хафиза, а позднее – «польский перевод персидской рукописи «Некоторые факты о современном состоянии и основах внутреннего управления иранского государства» [2. С. 13].

В 1820 г. около семи месяцев (до ноября) Сенковский находится в горном Ливане, в одном из маронитских монастырей в местности Айн-Тур, где под руководством известного ливанского ученого Антуана Арыды усиленно занимается арабским языком, знакомится с монастырскими хранилищами арабских рукописей, делает многочисленные выписки, которые позже использует

в своем творчестве, путешествует с караванами в Дамаск и Баальбек. В период нахождения в Сирии и Египте он пишет несколько травелогов: «Краткое начертание путешествия в Нубию и верхнюю Эфиопию» (1822), «Посещение пирамид. Из путевых заметок Иосифа Сенковского» (1822), «Перечень письма из Каира от 11/22 декабря 1821», «Возвратный путь из Египта чрез Архипелаг и часть Малой Азии. Отрывок из дневных путевых записок г. Сенковского» (1822) и др. Здесь происходит знакомство Сенковского с ключевым местом Сирии – развалинами древней сирийской столицы Тедмор, известной европейцам под названием Пальмира. Сенковский воочию наблюдает и сирийские ландшафты, и остатки древнего величия, позднее со знанием дела описанные в «Антаре»: «Прекрасна Шамская пустыня; прекрасны в Шамской пустыне развалины волшебного Тедмора. Кто жил в этих огромных чертогах?.. Кому воздвигнуты эти храмы?.. Кем построены эти длинные улицы столбов?..» [3. Т. 1. С. 321].

Сирийские пейзажи, по воспоминаниям самого Сенковского, выходят за рамки сиюминутных ощущений: «Сильные впечатления мертвой природы врезаются в душу нашу гораздо глубже и остаются в ней долее всех других ощущений жизни, – что бы ни говорили историки нашего несчастного сердца. Я не думаю, чтобы житель равнины, перенесенный на высокие горы, мог когда-нибудь забыть их образ: десять образов обожаемых лиц пройдет через душу, пожирая, изглаживая друг друга, но картина великолепных гор, теряющихся в облаках и убеленных вечным снегом, не изгладится в ней никогда. И чем больший промежуток времени будет отделять мысль от впечатлений, вселенных их видом, тем красивейшими формами станет воспоминание убирать их в вашем уме <...> Я и теперь вижу перед собою колоссальные очерки пышных громад, распространяющихся тройною каменною цепью вдоль обожженной Сирии, где протек один из мучительнейших и разнообразнейших годов моего бытия» [3. Т. 1. С. 190, 191].

В этом контексте фраза «...я и теперь вижу перед собою», сказанная спустя много лет после посещения Тедмора, указывает на концептуализацию образа сирийской пустыни в сознании Сенковского и приводит к мысли о том, что Сирия имеет одновременно две пространственно-временные проекции: в область «внутреннего бытия» (философской рефлексии) и в область мифопоэтики, формируя один из структурообразующих концептов романтического ориентализма Сенковского.

Концепт Сирии наиболее рельефно отразился в двух текстах Сенковского: «Антар» (1832) и «Воспоминания о Сирии» (1834). В «Воспоминаниях о Сирии», опубликованных под псевдонимом Осип Морозов, Сенковский показал себя блестящим и остроумным повествователем (описания сирийских ландшафтов, речи персонажей), этнографом, внимательным к деталям сирийской жизни, особенностям восточного менталитета (например, отношение арабов к солнечному затмению, потасовка между другом и маронитом), религиозных взаимоотношений (противостояния маронитов и друзов), обычаям (обряд побивания камнями прелюбодеев) и социально-политической обстановки.

В «Воспоминаниях о Сирии» Сенковский позиционирует себя в роли просвещенного европейца, жаждущего знания арабского языка и имеющего

благодаря своим лингвистическим успехам определенный авторитет среди туземцев, называющих его «Франк» или «Хаваджа Юсуф». В описании местного населения Сенковский откровенно ироничен, подшучивая над их цветистой «восточной» речью и неразвитым мышлением, наполненным бесчисленными суевериями и антинаучными представлениями о Вселенной (споры о том, вращается ли солнце вокруг земли или наоборот, которые привели к тому, что Сенковского заподозрили в «фармазонстве»). В новелле «Преступные любовники» Сенковский осуждает средневековый обычай побивания комнями любящих друг друга молодых людей, характеризуя туземцев словами «чернь», «фанатики», «изуверы».

В описании природы Сирии Сенковский, напротив, последовательно формирует мифопоэтику пространства, оказывающего влияние на человеческое сознание. Сирия здесь предстает местом его «добровольных страданий», где он дважды подвергся опасности умереть от болезни, но тем не менее не перестал думать о том, что Сирийский хребет является для него «облеченным блестящею надеждою любимой мечты» [3. Т. 1. С. 193]. Сирийские горы – место, словно бы не принадлежащее этой планете, где «кровь течет в вас иначе, иначе бьется сердце, новый ряд чувствований и мыслей развертывается перед вами» [3. Т. 1. С. 195], где существует «лестница в небо» (это дважды подчеркнуто в тексте) [3. Т. 1. С. 194] – мотив, характерный для мифологического представления гор в античной, иудео-христианской и мусульманской мифологии.

Сирия в «Воспоминаниях» вписана в европейский контекст, именуясь «восточной Швейцарией» [3. Т. 1. С. 193], и именно в европейском контексте представляется Сенковскому сакральным местом победы христианства над исламом в душе восточного человека: «слышу даже этот звонкий голос Аравитянина, поющего целым объемом благозвучной груди песнь в честь Пречистой Девы, следуя по крутому скату за навьюченными землею ослами, и заставляющего горы, среди мусульманской державы, громко повторять за ним его благочестивые гимны» [3. Т. 1. С. 194–195].

Наиболее репрезентативным с точки зрения мифопоэтики Сирии нам представляется восточная повесть «Антар», которая входит в ряд восточных повестей Сенковского, начавших публиковаться с 1823 г.: «Бедуин» (1823), «Витязь буланого коня» (1824), «Деревянная красавица» (1825), «Смерть Шанфария» (1828), «Истинное великодушие» (1825), «Урок неблагодарным» (1825), «Бедуинка» (1828), «Вор» (1828) и др. Источником этих повестей И.Ю. Крачковский назвал антологию исторических рассказов и анекдотов Мухаммеда Дийаба ал-Итлиди (XVII в.) [4], однако, как показывают исследования, в основе «Антара» лежат также распространенный на Востоке «Роман об Антаре» и его европейские переводы.

К основным структурным элементам сирийского мифопоэтического конструкта в «Антаре» относятся: 1) мифопоэтика и мистификация системы собственных имен персонажей; 2) формирование дискурса касыды – классического жанра арабской литературы; 3) библейско-коранический контекст мифологем великой царицы и царя-основателя. Рассмотрим их по порядку.

Имена в «Антаре» – это фундамент, на котором строится вход в мифопоэтику мусульманского Востока и подготавливается основа представления

Сирии как места дислокации конкретного ориентального мифа. Игра собственными именами – это одновременно способ создать требуемый автору широкий интертекстуальный фон и средство перехода в плоскость иронии. Сенковский объявляет пери Гюль-Назар дочерью древнеарабского поэта Лебида и внучкой Лаллы Рук – персонажа одноименной поэмы Т. Мура, которая к моменту написания «Антара» была хорошо известна русской публике. Дедом Гюль-Назар именуется «поэт и герой пустыни» Шанфарий, о котром в 1828 г. читатели альманаха «Альбом Северных муз» узнали из арабской повести Сенковского «Смерть Шанфария». В этой повести Шанфарий погиб, спасая из плена свою возлюбленную Дальфу, о Лалле Рух, или Эльмас, в тексте не было ни слова. Сознательная мистификация, эклектично объединяющая разных персонажей и разное пространство в один интертекст – явное указание на то, что «Антар» для Сенковского значил больше, чем другие его ранее опубликованные восточные повести.

При формировании системы персонажей повести Сенковский опирался не только на хорошо знакомые ему со времен восточного путешествия имена собственные, но прежде всего на тексты, которые являлись объектом его академических интересов. Первый очевидный источник собственных имен «Антара» – это самый известный в Европе сборник древнеарабской поэзии «Аль-Муаллакат», или «Муаллаки», составленный в VIII в. сказителем Хаммадом [5. Т. 2. С. 212] и появившийся в Европе в переводе Гартмана (Hartmann) в 1802 г. [6], а в России – в 1832 г., изданный А.В. Болдыревым. Именно этот сборник стал основой знаний просвещенных европейцев об истории арабской литературы доисламского периода, включая касыды семи поэтов: Имруулькайса, Тарафы, Зухайра, аль-Хариса ибн Хиллизы, Амра ибн Кульсума, Антары и Лебида. О том, что Сенковский имел очень тесное знакомство с арабскими оригиналами касыд доисламских арабских поэтов, говорит тот факт, что он выполнил художественный перевод касыды Лебида и приложил ее к очерку «Поэзия пустыни, или Поэзия Аравитян до Магомета» для публикации в 1838 г. в «Библиотеке для чтения» [3. Т. 7. С. 93–130].

Используя имя еще одного поэта из Муаллаката – Лабиды (в повести, как, собственно, и в издании Болдырева, Лебида), Сенковский расширяет литературный контекст и нагружает пери «героической родословной»: «Эльмас повелевала здесь до времён халифа Омара. Она полюбила знаменитого Лебида, прославившегося своими несчастиями, мужеством и стихами; Лебида, песни которого гремят до сих пор в пустыне, лишённого престола коварным братом и орошавшего царскою кровию своею, в течение долговременного скитания, сыпучие пески аравийских кочевьев, для защиты угнетённых и бесприютных, страждущих подобно ему от несправедливости своих ближних. <...> Лебид был мой отец» [3. Т. 1. С. 332]. Таким образом, приводя в тексте повести имена Антара, Шанфария, Лаллы Рук и Лебида, Сенковский вполне осознанно играет с читателем, как профессиональный востоковед редуцируя историко-литературные факты до уровня массового сознания, и представляет «Антар» связующим текстом его ориентальной мифологизации.

Еще один важный источник имен и восточной мифопоэтики в повести – это арабский роман об Антаре, объемное произведение, в рукописном виде на арабском языке доходившее до 45 томов различного размера. К моменту на-

писания повести «Антар» полного перевода «Романа об Антаре» не было и не могло быть в силу того, что, как заметил Вильям Клаустон (Clouston), «это могло бы ужаснуть даже самых неутомимых переводчиков, не говоря уже о невозможности найти европейских читателей» [7. С. 171]. Сенковский мог быть знаком с сокращенной копией этого романа, сделанной сирийцами под названием *Shamiyeh*, или Сирийской «Антар», чтобы отличить его от оригинала, который был известен как *Hijaziyeh*, или Арабский «Антар».

Сокращенный сирийский вариант «Романа об Антаре» был крайне популярен на Востоке. Образ Антара привлекал все слои общества, так что имя легендарного доисламского поэта-богатыря звучало и в роскошных домах, и в простых кофейнях, традиционно собирая благодарных слушателей. В Европе имя Антара впервые прозвучало для широкой общественности в год отъезда Сенковского на Восток – в Лондоне в 1819 г. появился перевод сирийского варианта «Романа об Антаре» в формате «небольшого тома, в восьмую долю листа, около 300 страниц, под названием «*Antar, a Bedouen Romance, translated from the Arabic*» [8. Ч. 1. С. 172] в переводе Террика Гамильтона (Hamilton).

В 1820 г. Гамильтон выпустил еще три тома, которые были встречены далеко не восторженно английской публикой, привыкшей не к оригинальной арабской художественной мысли, а к ее французским адаптациям. Сам переводчик в предисловии пишет, что «до публикации *Mines de l'Orient*, напечатанной в Вене в 1802 году, имя Антара вряд ли слышали в Европе» и приводит слова М. Хаммера: «*This work which must be as very instrumental towards the manners dispositions and habits the Arabs seems to us more than the celebrated Thousand and One Nights not indeed with respect to the fictions in which this work almost entirely fails but as a picture of history*» [8. Ч. 1. С. 19], подчеркивая тем самым не столько литературную, сколько этнографическую значимость своего перевода. Но, как бы там ни было, популярная на Востоке мифологема поэта-воина Антара появилась в Европе и начала свое функционирование в механизмах описанного Э. Саидом ориентализма.

Формируя мифопоэтический образ Антара в своей повести, Сенковский выстраивает игровую ситуацию с читателем, которому это имя уже должно было быть известно. Поэтому несовпадение в образах Антара у Сенковского и в английском переводе Гамильтона есть факт сознательного формирования собственного мифа об Антаре для русского читателя.

Учитывая романтическое читательское ожидание, Сенковский делает сюжетобразующей в своей повести любовную линию, сходную в общих чертах с любовной линией у Гамильтона: любовь Антара и Аблы (у Гамильтона – *Ibla*) в арабском романе сходна с любовью Антара и Гюль-Назар в повести Сенковского. Она беспредельна и побеждает смерть. В обоих случаях Антар выпускает дух в объятиях своей возлюбленной, тело его не подлежит погребению, а выступает знаковой сущностью, тем самым Сенковский обыгрывает общеромантический мотив вечной любви, побеждающей тление («Вот уже Антар превратился в белый, сухой, безобразный остов. Она, однако ж, ни на минуту не разнимала рук, коими опоясала его при смерти, и сухие кости любовника, осыпаемые её поцелуями, неоднократно проникались чувством сладчайшей неги») [3. Т. 1. С. 350], в романе Гамильтона – знак нече-

ловческой силы и настоящий джентльменский поступок: мертвый Антар сидит, опираясь на копьё, чем приводит в замешательство преследователей.

Смерть Антара в произведении Сенковского, произошедшая по законам романтического дискурса, – это композиционный прием, позволяющий Сенковскому осуществить выход в область мифопоэтического осмысления концептов любви и вечности.

Другой значимый момент мифопоэтизации сирийского топоса у Сенковского возникает путем формирования дискурса касыды. Есть все основания полагать, что замысел Сенковского представить русскому читателю свою версию сирийского «Романа об Антаре» столкнулся с необходимостью усиления роли художественного пространства «Антара» в контексте романтического ориентализма. Решением этой проблемы стало обращение Сенковского к восточной поэтике, и конкретно к жанру арабской касыды, отличающемуся строгим соблюдением композиционных приемов и в современной арабской литературе почти не подверженному изменениям. Касыда более других жанров восточной поэтики подходила для реализации концептов путешествия и скитания, а также для формирования романтического драматизма неприкаянной личности, мечущейся в пространстве и времени.

В тексте Сенковского есть все элементы традиционной касыды: лирическое вступление (насиб), описание (васф), путешествие поэта (рахиль), восхваление (кад), самовосхваление (фахр), при этом в начале касыды лирический герой обязан описывать развалины или покинутую стоянку. У Сенковского происходит формирование дискурса касыды начиная с первого предложения. Для сравнения можно указать начало переведенной Сенковским касыды Лебида (кстати говоря, расположенной в Собрании сочинений 1858 г. рядом с «Антаром»): «Исчезли ея ставки, ея ночлеги и отдыхи в Мине! Одичали Чортова-Гора, Реджам и скалы Рияна, и только ветер обнажает скачками рисунок бывших жилищ, похожий на полуистертую надпись на утесе... Теперь здесь польнь раскидывает свои высокия ветви, страусы и газели выводят птенцов» [3. Т. 1. С. 308, 309].

Элегический топос покинутого жилья, значимый в касыде, оказывается настолько значимым в топосе развалин Тедмора у Сенковского, что Сенковский помещает действие своей повести не в арабской пустыне, как в оригинальном «Романе об Антаре» и в английском переводе Гамильтона, хотя это вполне соответствовало бы романтическим ожиданиям ориентального условно-атопичного мира, а в развалинах вполне конкретного сирийского города, расположенных в 240 километрах на северо-восток от Дамаска.

Зачем Сенковскому понадобилось перемещать Антара в развалины Тедмора? Дело в том, что эти руины, кроме археологической ценности, представляли для Сенковского ценность культурно-мифологическую, связанную с концептосферой русской культуры. Несмотря на то, что еще в 1823 г. о Тедморе появлялись отзывы типа: «надобно много убавить из того высокого понятия, которое обыкновенно имеют о развалинах Пальмиры» [9. С. 206], именно синонимическое наименование Тедмора (Пальмира) – ключ к его русской ориентальной мифопоэтике: Санкт-Петербург – Северная Пальмира. После того как появилась переведенная на многие европейские языки книга Роберта Вуда (Wood) «The Ruins of Palmira, otherwise Tadmor, in the Desert»

(1753), мифологема Пальмиры начала свое существование в плане европейского романтического пространства, а ее королева Зеновия выступила второй Клеопатрой, владычицей Азии, тем самым объединяя в ориентальном романтическом мифе восточные и античные коды.

Пальмира, как и Александрия, располагалась на удивительно выгодном месте, так что уже к III в. до н.э. стала ключевым городом, контролирующим караванную торговлю между Востоком и Западом, что обеспечило ей процветание и основу власти над Азией. Зеновия, будучи наполовину гречанкой, наполовину арабкой (или еврейкой) после смерти своего мужа стала его полновластной царицей. В результате ее решительных действий Пальмира едва не получила независимость от Рима. Однако в 272 г. император Аврелий разгромил ее войска, привез ее в качестве военного трофея в Рим, и уже через год Пальмира была разрушена до основания. К 634 г., когда город захватили арабы, он уже не представлял никакой геополитической или культурной значимости.

Через 7 лет после публикации «Антара» о судьбе Зиновии и Пальмиры весьма подробно будет написано в 42-м томе «Библиотеки для чтения», вышедшем в 1840 г.: в разделе «Смесь» с заголовком «Путешествие господина Пужула в Пальмиру» Сенковский дал очень подробную историческую справку о Тедморе и о том, как этот город выглядит в настоящее время. Возвращаясь к этой теме, только уже в нелитературном контексте, Сенковский-писатель и Сенковский-редактор подчеркивает значимость образа Пальмиры не только для себя, но и для общественной мысли. Разумеется, подобная автореминисценция имела смысл только в том случае, если имела более чем просто познавательную цель.

Кроме античного контекста, образ Тедмора-Пальмиры должен быть рассмотрен в контексте мифопоэтики Библии и Корана в связи с появлением в «Антаре» аллюзий, отсылающих к образу царя Соломона: библейский миф об основании Тедмора и коранический миф о любви Соломона и царицы Савской (Балькис). Образ царя-пророка Соломона в «Антаре» интересен не только тем, что в XIX в. восторженные песни доисламского поэта Антары ассоциировались с песнями царя Соломона: «...freshness and vigor this ancient poem touches the tender and the terrible reminding the reader strongly of the song of Solomon» [10. С. 681]. Прежде всего, Соломон – это точка пересечения сразу трех мифологических систем: библейской, коранической и масонской (через мифологему секретного ремесла).

Имя Соломона встречается в тексте «Антара» четыре раза: два раза в связи с мифом об основании города («Вы находитесь в Тедморе, развалины коего поутру удивляли вас своею красотою и огромностию. Ведайте, храбрый богатырь пустыни, что этот город построен джиннами, зловредными и безобразными духами, коими Соломон – да будет с ним мир! – повелевал посредством волшебного перстня, подаренного ему ангелом Джебраилом» [3. Т. 1. С. 329, 330]), один раз в связи с мифом о помощнике царя Соломона по строительству храма – Асафе («Тогда, Лале-рех, одна из первостепенных и прекраснейших пери, испросила у Асафа, наследника Соломонова, позволение поселиться в них и основать для себя новое царство, потому что джинны, то есть зловредные духи, беспрестанными набегами тревожили её родину» [3.

Т. 1. С. 331]) и один раз в качестве указания на мифическую власть Соломона над духами («по завету Соломона (да будет с ним мир!), джинны не смеют проникнуть внутрь черты города, построенного в древности их руками» [3. Т. 1. С. 333]).

Миф об основании Соломоном Тедмора восходит исключительно к библейскому тексту, дополняя образ царя-пророка чертами царя-основателя: «И построил он Фадмор в пустыне, и все города для запасов, какие основал в Емафе» (2-я Паралипоменон, 8:4), в Коране такие наименования не встречаются. Но учитывая масштабы семиотической игры Сенковского с читателем, можно выделить ряд скрытых аллюзий к мусульманскому образу царя и пророка Соломона.

Первая кораническая аллюзия связана с именем кобылы Антара, которую Сенковский назвал не Абджер (Abjer), как в «Романе об Антаре», а Балька. Это четко корреспондирует с возлюбленной царя Соломона царицей Савской, в мусульманской культуре известной под именем Балькис. Любовь Соломона к Балькис – сюжет мусульманского происхождения, упомянутый в 27-й суре Корана (в Библии нет и намек на предполагаемую комментаторами любовь Соломона и царицы Сабей), при этом сюжет отнюдь не рядовой: в поэтике и философии суфизма эта любовь символизирует любовь к Богу, а послания Соломона, которые пророк передавал возлюбленной через удода, символизируют молитву в попытке достичь желаемой близости. Мусульманские мистики повсеместно использовали этот сюжет, развивая подробности взаимоотношений царя-пророка и великой царицы.

Встречающиеся в тексте «Антара» метаморфозы (джинн Джан-Гир принимает образ огромной птицы унки, Гюль-Назар превращается в газель) имеют под собой прочное мифологическое основание. Дело в том, что превращение Сенковским коранической Балькис в кобылу Бальку, искренне преданную Антару и фактически многие годы заменявшую ему человеческую спутницу, возможно под влиянием другого распространенного на семитском Востоке мифа о том, что у Балькис были волосатые ноги и, возможно, копыта (козлиные или ослиные), из-за чего у мифологов возникают обоснованные предположения, что мифические зооморфные черты Балькис имеют древне-семитское происхождение и связаны с демонологией Лилит. Об этом писал еще в 1873 г. исследователь средневековой литературы Вильгельм Герц, уточняя со ссылкой на арабские источники (Ta'alabi), что могила Лилит находится в сирийском Тедморе: «...ihr Grab in Tadmor gefunden wird, ist bedeutsam: denn Tadmor ist der Aufenthalt der Lilith» [11. С. 426]. В других ближневосточных мифах и кабалистике Балькис часто отождествлялась с Зеновией, царицей Тедмора, о чем в своей книге «Королева Шеба» (The Queen of Sheba, 1983) [12] говорит известный британский ориенталист Джон Филби (Philby).

Мифологема Зеновии-Балькис и ее любви к Соломону приобретает в «Антаре» особую значимость благодаря самому сирийскому топосу – Пальмире, который проецируется на мифологему Санкт-Петербурга – Пальмиры. Называть Петербург «Северной Пальмирой» очень любил Ф. Булгарин (например, «тысячи кораблей приносят ежегодно в северную Пальмиру дань промышленности со всех концов земного мира») [13. Ч. 11. С. 132], так что в

начале XIX в. метафора часто ассоциировалась не только с Петербургом, но и с самим Булгариным, однако впервые так именовать Санкт-Петербург стали во второй половине XVIII в., связывая образ императрицы Екатерины Великой и Зеновии.

Как и Зеновия, Екатерина покровительствовала наукам и искусствам, любила мудрые слова философов своего времени («Вольтером» для Зеновии был философ-неоплатоник Дионисий Лонгин) и вела беспрестанные войны. Кроме того, век Екатерины был ознаменован классицистическим возрождением Античности, ее образа мысли и символики. В этом контексте Пальмира (греч. «Город Пальм») оказывалась вполне к месту, поскольку пальмовая ветвь ассоциировалась с триумфом и крепкой властью.

Миф о сотворении храма чрезвычайно значим в контексте библейско-коранической и масонской систем, но центральное значение для мифопоэтики сирийского топоса Сенковского имеет связь концепта времени с концептом царя-основателя, каковым представлялся Петр Великий. Реализация этих концептов в «Антаре» основывается на кораническом сюжете (сура «Саба»: 14) смерти царя Соломона, который умер, опершись на свой посох (в то время как повинующиеся ему духи продолжали строить храм, узнав об обмане, только когда червь подточил посох и тело царя упало на землю), и коранических лейтмотивах погибших древних народов. Мифопоэтика Сирии в творчестве Сенковского, таким образом, формирует философский дискурс, призывающий задуматься над брэнностью бытия: «Как много Мы истребили поколений, которые жили до них и были намного сильнее их! Они искали по всей земле убежище [когда постигло их наказание]. Но какое там убежище? (сура «Каф»: 36)»; «Неужели до них не дошли рассказы о тех [народов], которые жили задолго до них, — о народе Нуха, [народов] 'ад и самуд, народе Ибрахима, жителях Мадйана и разрушенных [городов]?» (сура «Покаяние»: 70)» [14].

В заключение следует подчеркнуть, что сирийская пустыня не была просто ориентальным антуражем восточных повестей Сенковского. Основная функция мифопоэтической Сирии у Сенковского заключалась в том, чтобы сформировать насыщенное смыслами поле рассуждений о России и о современной ему русской романтической литературе в контексте русского и западноевропейского ориентализма XIX в.

Литература

1. Шапинская Е.Н. Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5).
2. Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М., 1991.
3. Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса): в 9 т. СПб., 1858.
4. Крачковский И.Ю. Источник «Витязя буланого коня» и других восточных повестей Сенковского // Труды Военного института иностранных языков. 1946. № 2.
5. Фильштинский И.М. Словесное искусство древних арабов (VI – середина VII в.) // Истоки всемирной литературы: в 8 т. М., 1984.
6. Hartmann A.T. Die hellstrahlenden Plejaden am arabischen poetischen Himmel, oder die sieben am Tempel zu Mekka aufgehängenen arabischen Gedichte. Münster, 1802.
7. Clouston W.A. Arabian Poetry for English Readers. Glasgow, 1881.
8. *Antar*, a Bedouen Romance, translated from the Arabic by Terrick Hamilton, Esq. London, 1820.

9. *О путешествиях Ирби и Манглеса* // Собрание статей, относящихся к наукам, искусствам и словесности, заимствованных из разных иностранных периодических изданий 1823-го, 24 и 25 годов. М., 1826.

10. *The New American Cyclopaedia: a Popular Dictionary of General Knowledge*. New York; London, 1865.

11. *Hertz W. Gesammelte Abhandlungen*. Stuttgart, 1905.

12. *Philby J. The Queen of Sheba*. London; New York, 1981.

13. *Булгарин Ф. Поездка в Кронштадт 1 мая 1826 года: (Письмо к Н.И. Гнедичу)* // Сочинения Фаддея Булгарина. СПб., 1830.

14. *Коран* / пер. М.-Н. О. Османова. СПб., 2010.

Alekseev Pavel V., Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: conceptia@mail.ru

SYRIA IN O.I. SENKOVSKY'S MYTHOPOETICS. DOI 10.17223/19986645/27/6

Keywords: Syria, concept, mythology, Oriental tale, Senkovsky, Antar, Palmyra.

In the paper the mythopoetic image of Syria in O.I. Senkovsky's works is analysed.

Senkovsky is a famous founder and promoter of the genre of "Oriental tales" in the Russian literature of the 19th century, and the analysis of oriental myths in his work allows us to understand the depth and scope of Russian romantic Orientalism. The main aim of this paper is to present the Syrian field in the works by Senkovsky as a mythological construct.

For O.I. Senkovsky Syria is one of the meaningful parts of the Orient, which he mythologized for many years of his life by different sides of his talent (scientific, artistic and journalistic). At the same time, united in the field of irony and self-irony, different approaches of Senkovsky formed a mythopoetic model of Syria as an Oriental country, which for many centuries had conceptual importance for the development of Russian culture.

The concept of Syria is most clearly reflected in two Senkovsky's texts: *Antar* (1832) and *Memories of Syria* (1834). In *Memories of Syria* Senkovsky positions himself as an enlightened European yearning to learn the Arabic language and having a real prestige among the Syrian natives, who call him "Frank" or "Khawaja Yusuf". In describing the nature of Syria Senkovsky is consistent in forming a mythopoetic space that influences human consciousness.

The oriental tale *Antar* seems to us the most representative for Syrian mythopoetics. The main structural elements of the Syrian construct in *Antar* include: a) mythopoetics and mystification of character names, b) formation of "qasida" discourse, and c) Biblical and Quranic context of the mythologems of the Great Queen and the King-Founder.

Senkovsky consciously plays with the reader as a professional orientalist, he reduces historical and literary facts to the level of mass consciousness and represents *Antar* as a text of his oriental mythologizing. But for the archaeological value the ruins of Tadmor (Palmyra) represent mainly the cultural and mythological value for Senkovsky, related to the sphere of Russian culture in connection with the metaphor of St. Petersburg as Northern Palmyra.

In addition to the ancient context, the image of Tadmor should be considered in the context of mythopoetics of the Bible and the Quran, because there are allusions in *Antar* that refer to the image of King Solomon, the Biblical myth of Tadmor's founding and the Quranic myth about the love between King Solomon and the Queen of Sheba Balqis.

Syrian desert was not an entourage in the Oriental tales of Senkovsky. The main function of Senkovsky's mythopoetics of Syria was to form a rich in meanings reasoning field of Russia and of the contemporary Russian Romantic literature in the context of Russian and Western European Orientalism in the 19th century.

References

1. *Shapinskaya E.N.* Puteshestvie na Vostok kak begstvo ot povsednevnosti: fenomen turisticheskogo eskapizma // *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2011. № 4 (5).

2. *Siriya, Livan i Palestina v opisaniyakh rossiyskikh puteshestvennikov, konsul'skikh i voennykh obzorakh pervoy poloviny XIX veka*. М., 1991.

3. *Sobranie sochineniy Senkovskogo (Barona Brambeusa): v 9 t.* СПб., 1858.

4. *Krachkovskiy I.Yu.* Istochnik «Vityazya bulanogo konya» i drugikh vostochnykh povestey Senkovskogo // *Trudy Voennogo instituta inostrannykh yazykov*. 1946. № 2.

5. *Fil'shtinskiy I.M.* Slovesnoe iskusstvo drevnikh arabov (VI – seredina VII v.) // *Istoriya vsemirnoy literatury*: v 8 t. M., 1984.
6. *Hartmann A.T.* Die hellstrahlenden Plejaden am arabischen poetischen Himmel, oder die sieben am Tempel zu Mekka aufgehängenen arabischen Gedichte. Münster, 1802.
7. *Clouston W.A.* Arabian Poetry for English Readers. Glasgow, 1881.
8. *Antar*, a Bedoueen Romance, translated from the Arabic by Terrick Hamilton, Esq. London, 1820.
9. *O puteshestviyakh Irbi i Manglesa* // *Sobranie statey, odnosyashchikhsya k naukam, iskusstvam i slovesnosti, zaimstvovannykh iz raznykh inostrannykh periodicheskikh izdaniy 1823-go, 24 i 25 godov.* M., 1826.
10. *The New American Cyclopaedia: a Popular Dictionary of General Knowledge.* New York; London, 1865.
11. *Hertz W.* Gesammelte Abhandlungen. Stuttgart, 1905.
12. *Philby J.* The Queen of Sheba. London; New York, 1981.
13. *Bulgarin F.* Poezdka v Kronshtadt 1 maya 1826 goda: (Pis'mo k N.I. Gnedichu) // *Sochineniya Faddeya Bulgarina.* SPb., 1830.
14. *Koran* / per. M.-N. O. Osmanova. SPb., 2010.